

4. Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. С. 106–120.

5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений [Электронный ресурс]. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с. Режим доступа : <https://gufo.me/dict/ozhegov>. Дата доступа : 17.03.2019.

6. Уфимцева А. А. Лексическая номинация (первичная нейтральная) // Языковая номинация : виды наименований. М.: Наука, 1977. С. 5–85.

Лушневская Е. В. (Полоцк)

Жанровое определение «Песни о Нибелунгах» в контексте эпохи

На рубеже XII–XIII вв. происходило столкновение и взаимодействие героического и рыцарского, эпического и романного, анонимного и авторского.

Бесспорным является определение жанра «Песни о Нибелунгах» (*Der Nibelunge Nôt*) в классическом литературоведении как народный героический эпос (Пуришев, Шатков, Жирмунский). Вместе с тем развитые формы народного героического эпоса получают свое оформление в эпоху расцвета рыцарского романа и позднего миннезанга. По мнению Х. Бруннера, роман оказал существенное влияние на анонимных авторов героического эпоса, так как способствовал приданию письменной формы устному материалу [5, S. 136]. Однако не только форма, характерная для рыцарского романа, оказала влияние на эпос; влияние распространилось и на содержание.

Известный миннезингер середины XII в. Кюренберг ввел в обиход метрическую форму, так называемую «кюренбергову строфу». Отличительной чертой данной строфы является то, что первая строка рифмуется со второй, а третья – с четвертой, что делает ее удобной для импровизаций и в то же время возможной для заимствования героическим эпосом, бытующим в ранний период своего существования в устной форме. Отличным для «Песни» является то, что данная метрическая форма варьируется и получает характерное удлинение последней строки. Данная строфа состоит из четырех строк, рифмующихся попарно; каждый стих распадается на два полустишия. Использованная автором строфа носит название «нибелунговой строфы». Кроме того, в одном из эпизодов автор «Нибелунгов» заимствует описание любви прекрасной дамы. Если сравнить строки из эпоса: «*Быль будто ею соколь пригожий прирученъ*»¹ (13,2) [4, с. 142] и строки из любовной песни миннезингера Кюренберга «*Я сокола кормила год и много дней*»² [2, с. 484], заимствование представляется

¹ «*Wie si züge einen valken, / starc, scæn' und wilde*» [6, S. 8].

² «*Ich zôch mir einen valken mêre danne ein jâr*» [8, S. 12].

очевидным. В миннезанге автор говорит о переживаниях героя, что, как правило, отсутствует в эпосе. Однако Нибелунги – яркие герои, наделенные психологизмом. По мнению Ф. Фишера, автор представил эпических персонажей не «безмолвными грубыми героями» с «простым чувственным миром», а наделил их эмоциями [9, S. 456].

Использование автором «Песни о Нибелунгах» комментариивставок, а также трагических предсказаний в последней строке нибелунговой строфы позволяет утверждать наличие жанровых особенностей «Песни». Следует отметить, что творчество миннезингеров является авторским, что, несомненно, сыграло особую роль в самоидентификации автора «Нибелунгов». Действуя в рамках эпохи, автор «Песни» насыщает произведение характерной для миннезанга и рыцарского романа формой, однако, следуя жанру эпоса, оставляет его анонимным.

Следует обратиться к еще одной немаловажной характеристике «Песни» в контексте эпохи – содержанию. В центре таких современных эпосу о Нибелунгах романов, как «Король Ротер», «Герцог Эрнст», «Эней» – не события исторического значения, а рыцарь и кодекс рыцарской чести, рыцарские сражения, авантюрные приключения и любовь к прекрасной даме. В данном отношении любовь Зигфрида к Кримхильде из «Песни о Нибелунгах» не что иное как любовь к прекрасной даме. Вспомним эпизод сватовства, элементы которого встречаются в романе Эйльхарта фон Оберге (*Eilhart von Oberg*) «Тристан и Изольда» (*Tristrant*, 1170) и анонимном романе «Король Ротер» (*König Rother*, ок. 1150): Гунтер отправляется к Брюнхильде, подобно тому, как Марк посылает за Изольдой своего племянника Тристана, – лишь по слухам о ее красоте. Король Ротер выдает себя за другого и обманным путем увозит невесту, подобный обман осуществляет и Зигфрид, выдав себя за Гунтера.

В центре рыцарского романа – рыцарь, на долю которого выпадают авантюрные приключения, военные походы, рыцарские турниры и пышные празднества. Нередко герой стоит перед выбором между любовью и рыцарской честью. Так, например, в романе Г. фон Ауэ (*Hartmann von Ouwe*, ок. 1170-1215) «Эрек» (*Erec*, ок. 1190) ратные подвиги выступают мерилем соответствия героя идеалу, но любовь не побуждает к ним героя, напротив, она мешает проявлению его доблести. Только кодекс рыцарской чести принуждает героя отказаться от такого поведения и заслужить право снова называться рыцарем. Конфликт между долгом и чувством находит отражение и в другом романе Г. фон Ауэ «Ивейн» (*Iwein*, ок. 1200). Так, главный герой романа в отличие от бездейственного Эрека сражается на поле брани и турнирах,

в которых он забывает о молодой супруге и обязанностях правителя. Вопрос рыцарской чести поднимается и в эпосе о Нибелунгах: вассал Рюдигер лишается жизни из-за выбора между клятвой побратима и долгом чести. Пытаясь сделать правильный выбор, Рюдигер просит освободить его от присяги вассальной верности и предлагает королю возратить пожалованные ему владения: «Сказаль царю отважный / боець: “Мой государь! // Возьмите все обратно, / что дали вы мнѣ встарь // Край съ бургами! Я долженъ / теперь оставить ихъ // Пойду я на чужбину / въ изгнание на своихъ двоихъ”»³ (2157) [4, с. 408]. Так, мотив оскорбленной чести в эпосе о Нибелунгах является отголоском основной идеи рыцарского долга в куртуазном романе – преодоление личного счастья во имя чести.

В то же время эпос «Песнь о Нибелунгах» отличает множество второстепенных мотивов, характерных для куртуазного мировоззрения. Например, для описания жизненного уклада автор использует стиль придворной поэзии. Так, любящий Зигфрид терзаем печалью (136,4), и сердце его изнывает (281,4), когда он видит Кримхильду (281,4). Он даже сомневается в успешности своей любви, но не в силах отказаться от нее: «Такъ про себя онъ думаль: / “какъ смѣю я любить // Тебя? Мечта пустая! / Тому во вѣкъ не быть // А прочь уйти! нѣтъ, лучше / пусть смерть меня сразитъ!”»⁴ (285,1–3) [4, с. 174]. Сомнения терзают и героя куртуазной повести Ивейна, потерявшего надежду на любовь покинутой им супруги.

Кроме любви к прекрасной даме, служения ей, супружеской любви, мести, феодальной чести и верности, а также связанных с ними переживаний героев, немаловажную роль в «Песни о Нибелунгах» играет церемониал (пространные описания празднеств и турниров, сборов в дорогу и приема гостей, даров и снаряжения воинов). Жест щедрости, тесно связанный с церемонией одаривания, во многом характеризовал придворную культуру. «Богатство знатных господ, – пишет А. Я. Гуревич, – доставляло им возможность быть щедрыми, привлекать на службу рыцарей, устраивать пиры, вообще вести куртуазный образ жизни» [1, с. 299]. Описания такого характера не делали повествование тяжеловесным, напротив, полностью соответствовали вкусам средневекового общества. По мнению Й. Хайнцле, «богатые одежды были средством демонстрации богатства

³ «Dô sprach zuo dem küenege / der vil küene man: // “her küene, nu nemt hin widere, / al daz ich von iu hân. // daz lant mit den bürgen, / des sol mir niht bestân. // ich will ûf mînen fûezen / in daz ellende gân.» [6, S. 648].

⁴ «Er dâht’ in sînem muote: / “wie kunde daz ergân, // daz ich dich minnen solde? / daz ist ein tumber wân. // sol aber ich dich vremeden, / sô wære ich sanfter tôt”» [6, S. 92].

и власти» [7, S. 58]. Это был немаловажный атрибут, так как, по мнению М. П. Оссовской, «одежда, свидетельствующая о любви к золоту и драгоценным камням, подчеркивала еще и красоту рыцаря» [3, с. 81]. Так, обладая достаточными знаниями о правилах при дворе, мать Парцифалья наряжает сына в лохмотья и отправляет ко двору короля Артура, в сердцах ожидая его возвращения. Отсутствие внешней привлекательности не прощается и герою куртуазной повести Г. фон Ауэ «Бедный Генрих».

Временная близость «Песни о Нибелунгах» к куртуазному роману сделала возможным поиск общих мотивов. Наличие многочисленных реалий куртуазной культуры в эпосе «Песнь о Нибелунгах», а также ярко выраженного авторского начала позволяет утверждать наличие черт, характерных для куртуазного романа и миннезанга. Следовательно, определение жанра «Песни о Нибелунгах» является важным в теории литературы, поскольку для данного произведения характерна значительная доля рыцарского (куртуазного). Вместе с тем «Песнь» остается важным эпическим наследием среди произведений народного героического эпоса.

Библиографические ссылки

1. Гуревич А.Я. Примечания // Песнь о нибелунгах. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. 384 с.
2. Зарубежная литература средних веков: Хрестоматия / сост. Б. И. Пуришев. М. : Высшая школа, 2004. 808 с.
3. Оссовская М. П. Рыцарь и буржуа : Исслед. по истории морали. М. : Прогресс, 1987. 528 с.
4. Песнь о Нибелунгах. С введением и примечаниями. СПб. : Типография Лебедева Н. А., 1889. 440 с.
5. Brunne H. Geschichte der deutschen Literatur des Mittelalters im Überblick. Stuttgart : Philipp Reclam jun., 1997. 389 S.
6. Das Nibelungenlied. Mittelhochdeutsch / Neuhochdeutsch / K. Bartsch, H. de Boor. Philipp Reclam jun. Stuttgart, 1997, 2003. 1045 S.
7. Heinzle J. Die Nibelungen. Darmstadt : Primus Verlag, 2010. 96 S.
8. Minnesang. Mittelhochdeutsche Texte mit Übertragungen und Anmerkungen. Frankfurt am Main : Fischer Taschenbuch Verlag, 2008. 367 S.
9. Vischer Fr. Kritische Gänge / Fr. Vischer / hrsg. von R. Vischer. Bd. 2. 2. Aufl. München : Meyer&Jessen, 1922. 546 S.

Лянкевіч А. У. (Мінск)

Стаўленне да беларускай мовы ў міжваеннай Польшчы (на матэрыяле перыядычнага друку)

Праблема статусу і прэстыжу беларускай мовы, стаўлення да яе з боку ўлад у розныя гістарычныя перыяды яшчэ не атрымала належнага асвятлення ў лінгвістыцы. Одним з важных і адначасова супярэчлівых